

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ Б. Д. ПАНКИНА

С 12 по 17 октября 1991 г. по приглашению министра иностранных дел Б. Д. Панкина в СССР с рабочим визитом находился министр иностранных дел Японии Т. Накаяма. В рамках визита, помимо переговоров между Панкиным и Накаяма, состоялись беседы японского министра с президентом СССР Горбачевым и президентом России Ельциным, были проведены переговоры Накаяма и с российским министром иностранных дел Козыревым.

Это был важный визит, поскольку, как писали японские газеты, «в результате признания Советским Союзом независимости трех прибалтийских республик в Японии возросли надежды на решение “проблемы северных территорий”». В то же время этот визит, пожалуй, в наибольшей степени показал, как изменился СССР после подавления путча, превратившись в государство, в составе которого Россия стала субъектом, равновеликим союзному центру. Японские газеты публиковали интервью с руководящими работниками МИДа России, сообщавшими, что направляющаяся с визитом в Токио делегация российских парламентариев во главе с Р. Хасбулатовым «привезет в Японию послание Б. Н. Ельцина к премьер-министру Японии и что в нем будет содержаться новая инициатива, которая позволит завершить процесс заключения советско-японского мирного договора в течение двух лет». Токийская «Асахи» утверждала: «Министр иностранных дел России А. В. Козырев сказал, что острова Хабомаи и Шикотан должны быть возвращены Японии, как это обусловлено совместной декларацией СССР и Японии 1956 г.».

Японцы недоумевали и терялись в догадках. «Координировалась ли эта позиция России с МИДом СССР или же, может быть, МИД СССР хочет доверить дело развития советско-японских отношений российской стороне?» – спрашивали они Панкина. Создавалось впечатление, что руководители СССР и России повели между собой игру в «догонялки» или на опережение в отношениях с японской стороной. Союзному министру иностранных дел приходилось говорить, что «в принципе усиление активности российского руководства, российского МИДа в вопросах выстраивания советско-японских отношений и решения в перспективе нерешенных вопросов находится в русле общей стратегической линии МИДа СССР. Она заключается в том, что отдельные республики будут не только решать вопросы двусторонних отношений со своими соседями, но и брать на себя более серьезную ответственность в тех или иных аспектах, которые им ближе, чем другим республикам... Все сейчас находится в движении».

В беседах с представителями Страны восходящего солнца Панкину пришлось несколько раз повторить, что «в своем подходе к проблеме заключения мирного договора с Японией СССР руководствуется той линией, которая была зафиксирована высшими руководителями обеих стран в совместном советско-японском заявлении от 18 апреля 1991 г.», принятом по итогам состоявшегося тогда визита М. С. Горбачева в Японию, и что эта по-

зиция «согласована союзным и российским руководством». «Теперь, – говорил советский министр, – речь идет об ускорении работы по завершению подготовки мирного договора при одновременном развертывании конструктивного сотрудничества в практических областях двусторонних отношений в атмосфере добрососедства, взаимной выгоды и доверия. Выходу на такую новую атмосферу, в которой можно было бы найти взаимоприемлемые решения всех существующих между нами проблем, в том числе территориальной, способствовали бы, в частности, скорейшая подготовка и введение в действие договоренности о безвизовых посещениях японскими гражданами южных Курильских островов и жителями последних – Японии, а также реализация нашего предложения о налаживании хозяйственного сотрудничества в районе упомянутых островов... Сейчас создались еще более благоприятные, чем в апреле, условия для реализации концепции, заложенной в совместном советско-японском заявлении».

Обмен мнениями по советско-японским отношениям, проведенный Панкиным и Накаяма «в контексте новых возможностей для их дальнейшего развития», отразил изложенную выше точку зрения советского министра на перспективы решения территориальной проблемы. В ходе переговоров состоялось предметное обсуждение вопросов торгово-экономических связей между СССР и Японией. Т. Накаяма сделал ряд разъяснений относительно принятого в октябре 1991 г. решения правительства Японии предоставить Советскому Союзу экстренную экономическую помощь в размере 2,5 млрд. долларов. По предложению японской стороны было решено создать комиссию с участием представителей Японии, СССР и России для принятия мер по эффективному распределению и использованию этой помощи.

Была подтверждена приверженность сторон линии на ускорение работы по завершению подготовки мирного договора и одновременное развертывание конструктивного сотрудничества в различных областях советско-японских отношений. В рамках постоянно действующей с 1988 г. рабочей группы по мирному договору было решено создать две подгруппы: подгруппу по обсуждению статьи договора о территориальном размежевании во главе с заместителем министра иностранных дел России с советской стороны и подгруппу по обсуждению других вопросов, связанных с мирным договором. Общее руководство деятельностью рабочей группы возлагалось на заместителей министров иностранных дел СССР и Японии. Б. Панкин информировал своего японского коллегу о проводимом сокращении на 30% размещенного на Южных Курилах советского военного контингента в соответствии с советским предложением, сделанным в ходе визита М. Горбачева в Токио в апреле 1991 г. По итогам переговоров Панкин и Накаяма обменялись письмами о процедуре взаимных безвизовых посещений японскими гражданами островов Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи и советскими гражданами – жителями этих островов – Японии, было также решено взаимно увеличить число постоянно аккредитованных в СССР и Японии японских и советских журналистов с 30 до 50 человек.

Разумеется, главным вопросом для японской стороны в ходе переговоров с советскими дипломатами оставался вопрос о принадлежности четырех южнокурильских островов. Комментируя уже после переговоров с Т. Накаяма свое отношение к этой актуальной проблеме, Б. Д. Панкин

Накаяма свое отношение к этой актуальной проблеме, Б. Д. Панкин в интервью, данном «Комсомольской правде», в частности, говорил: «...Ну а с Курильскими островами – тот факт, что мы признали, что такая проблема есть, – это был шаг вперед. Конечно, есть горячие головы, которые ни за что не отвечают (а я вывел для себя формулу – чем дальше человек от механизма принятия решения, тем он радикальнее), – они ратовали за безусловную передачу. У японцев другая крайность – пока не отдадите, не сядем за стол переговоров. И... остерегаются – а вдруг сам факт переговоров, финансового участия воспримут, что они согласились – острова наши. Я им предложил – вот Аландские острова, о них был долгий спор, потом особый статус дали. И сейчас для их жителей, как и для жителей Финляндии и Швеции, – не первостепенно, кому эти острова принадлежат. Моя идея – давайте сделаем Курилы эпицентром сотрудничества, зоной повышенного благосостояния – и тогда юрисдикция для людей, житейски, потеряет свою остроту. (А так ведь, с одинаковой степенью правдоподобия, можно бесконечно доказывать, что острова и наши, и японские). Мое предложение восприняли – теперь Япония вкладывает 2,5 млрд. (долларов. – В. К.) преимущественно в Россию, и именно в Сахалинскую область. То есть тут и прагматизация и гуманизм – очеловечивание политики, отказ ее от “принципиальных”, то есть мертвых схем». Трудно не согласиться с этими словами советского министра. Однако, как показали дальнейшие события, до удовлетворяющего обе стороны решения «территориальной проблемы» было еще очень далеко, а Борису Панкину уже не довелось в них участвовать.